

Расціслаў ПЛАТОНАЎ

«АБ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ, ЛІТАРАТУРЫ І ПІСЬМЕННІКАХ»

Так азагалоўлены па-свойму ўнікальны дакумент, вытрымку з якога мы прапануем увазе чытачоў. Гэта службовая запіска, пасланая ў канцы лістапада 1938 г. на імя І. В. Сталіна тагачасным першым сакратаром ЦК КП(б)Б П. К. Панамарэнкам.

Панамарэнка неаднойчы расказваў сваім знаёмым і блізкім, як у свой час сам Генеральны сакратар блаславіў яго на працу ў Беларусі. Сталін быццам бы сказаў: «Даволі. Пара наводзіць у Беларусі парадак». Што мелася на ўвазе, было вядома толькі самому генсеку. Панамарэнка ж зразу меў параду па-свойму: працягваць без развагаў той рэпрэсіўна-палітычны курс, творцам якога былі Сталін і яго акружэнне (Маланкоў, Кагановіч і інш.). Сродкі правядзення палітыкі ўсё тыя ж — органы НКУС.

Адной з першых шыфровак у Маскву пасля абрання Панамарэнкі першым сакратаром кампартыі Беларусі (19 чэрвеня 1938 г.) была наступная:

*«Совершенно секретно
НКВД СССР
17.7.38 г.*

*Секретарю ЦК ВКП(б)
Товарищу Сталину,
Секретарям ЦК ВКП(б)
товарищу Ежову,
товарищу Андрееву из Минска.*

ШИФРОВКА

*...Добиваюь рассмотрения вне-
судебном порядке на особой тройке
две тысячи по первой и три тысячи
по второй категории.*

Пономаренко»!

Адзначым, што першая катэгорыя азначала расстрэл, другая — турму ці лагер. Паслана шыфроўка літаральна праз месяц пасля таго, як Панамарэнка заступіў на высокую пасаду. У «Дакладной записке» над грыфам «Зусім сакрэтна. Толькі асабіста» ад 13 снежня 1938 г., накіраванай Панамарэнку новым наркомам НКУС БССР А. А. Наседкіным,

*Платонаў Расціслаў Пятровіч скончыў
факультэт журналістыкі БДУ ў 1955 г.
Працаваў у вышэйшых навучальных уста-
новах рэспублікі. Доктар гістарычных на-
вук, прафесар. Цяпер — вядучы навуковы
супрацоўнік Беларускага Навукова-даслед-
чага цэнтру дакументазнаўства і архіўнае
справы.*

які прыехаў на Беларусь разам з першым сакратаром, гаворыцца пра пяць з паловай тысячаў чалавек, арыштаваных толькі ў ліпені-жніўні 1938 г. Інакш кажучы, блаславіў Сталіным першы сакратар «наводзіў парадак» тымі ж метадамі, што і яго папярэднікі. Толькі сфера ўмяшання ў грамадскае і духоўнае жыццё стала значна шырэйшай.

У святле вышэйакрэсленай «дзейнасці» трэба разглядаць і вытрымку з дакумента, што друкуецца ніжэй. Агульны аб'ём яго — адзінаццаць старонак машынапіснага тэксту. Звернем увагу чытача на шэраг момантаў, якія дазваляюць лепш зразумець логіку разважанняў і дзеянняў аўтара гэтага дакумента.

1. Поўны тэкст запіскі пачынаецца словамі: *«Изучив состояние белорусского языка и литературы, ознакомившись с белорусскими писателями и их настроениями, хочу ознакомить Вас с некоторыми выводами и попросить совета по мероприятиям, которые, как мне кажется, вытекают из этих выводов»*. Амаль гэтак жа пачыналася і прыведзеная ў пачатку артыкула шыфроўка: *«Ознакомившись с положением дел, добиваюь рассмотрения...»*. Толькі ў першым выпадку для «ознакомлення» спатрэбіўся месяц, а ў другім — тэрмін крыху большы; спасабы ж вырашэння прапануюцца вельмі блізкія.

2. Складанейшыя праблемы беларускай мовы і літаратуры разглядаюцца ў запісцы па спрошчанай схеме барацьбы з нацыянал-дэмакратызмам, у дадзеным выпадку — супраць яго рэшткаў... Пры гэтым цэнтрам захавання і «ажыўлення» гэтых рэшткаў у вачах першага сакратара і тых, хто рыхтаваў запіску, з'яўляецца Саюз пісьменнікаў Беларусі, найперш, такія аўтарытэтныя літаратары, як Янка Купала і Якуб Колас. Менавіта гэтыя ды іншыя прадстаўнікі «*кучкі нацдэмаў, маскуючыся пад уяўнай прыхільнасцю»* да Савецкай улады, на самой справе сумуюць па «*Беларускай народнай рэспубліцы»*, імкнуцца, выкарыстоўваючы нават мову, адысці як мага далей ад Расіі і яе культуры.

3. Пры чытанні запіскі не можа не кінуцца ў вочы празмерная легкаважнасць у меркаваннях яе аўтара аб

праблемах мовы, моўнай палітыкі, пытаннях мастацкай творчасці, празмерная самаўпэўненасць у сваёй здольнасці вырашыць іх адміністрацыйна-сілавымі метадамі. Адсюль прапановы *«тэрмінова ачысціць беларускую мову ад засмечанасці варожымі і штучна створанымі словамі», «тэрмінова ачысціць літаратуру ад нацфашысцкай кантрабанды»*, запрасціць пісьменнікаў

для прызнання сваёй «*вінаватасці»*, «*пакаяння»* і г. д.

Наогул, за ўсім гэтым стаіць, папершае, поўная знявага аўтара да мовы народа падначаленай яму рэспублікі і, па-другое, далейшае пашырэнне ў моўнай палітыцы ідэалагічнага дыктату на базе ўзмацнення русіфікацыі. Але дадзім слова самому Панамарэнку (правапіс захоўваем):

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ И. В.

О БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ, ЛИТЕРАТУРЕ И ПИСАТЕЛЯХ*

...Здесь (у Саюзе пісьменнікаў.— Р. П.) был центр-штаб нацифшистской пропаганды. Здесь говорили о застое культуры и объясняли, это тем, что белорусский и украинский языки близки к русскому, как языки славянские, и наиболее сильная славянская культура русская их ассимилирует. Другое дело, говорили, Грузия, там язык совсем другой, руководители свои, грузины, преданные своей грузинской культуре, не так, как в Белоруссии, где всегда «московские генерал-губернаторы». Говорили о том, что русская культура действительно выше культур других союзных республик, но объясняли это тем, что русская культура выросла на костях малых народов.

Сама мысль о сближении белорусского и русского языков была ужасной. Янка Купала пустил крылатое выражение «пока живе мова, живе народ». В основе лежала тенденция рвать со всем русским, как говорится, «московским» в языке, и через родной самобытный язык тянуть массы на Запад.

Пользуясь полной свободой, не стесняемые ничем, эти писатели монополизировали за собой право толкователей языка, право создания новых слов, терминов, лозунгов и т. д. Они перед этим пытались и внешне отдалить язык от русского. Был проект перевода белорусской письменности на латинскую основу, когда это не прошло, предложили знаки для обозначения звуков «дз» и «дж», которые затрудняли бы русское чтение и внешне делали бы письменность непохожей на русскую. Параллельно шла большая работа по отдалению белорусского языка от русского путем:

а) создания вредительской грамматики, правописания;

б) изгнания из лексикона русских слов и замены их польскими;

в) введения слов, встречающихся в одном-двух районах Белоруссии, как правило, записывавшихся от неграмотных стариков и старух или детей, не посещающих советскую школу;

г) собственной выдумки новых слов.

В результате этой работы и благодаря фактическому, до сей поры, отсутствию работы по очищению языка и исправлению грамматики, засоренность его исключительна.

Существующее белорусское правописание искажено в националистическом духе, но преднамеренно построено так, чтобы отличалось от русского даже тем, где в живом произношении нет разницы.

Так было введено, как непреложный принцип, аканье, т. е. написание «а» не под ударением вместо «о» и «я» вместо «е». Например, «город», «вялікі» вместо русских «город», «великий», в произношении же в русском и белорусском языках здесь слышатся одинаковые звуки. Или, например, «Ворошилов» пишется «Варашылаў». Эта разница, как и многое другое, искусственно введенное, затрудняет усвоение русского и белорусского правописаний белорусским школьником, так как два языка в школе учат различным правилам. Согласно правописанию фамилии и имена русского и белоруса должны писаться по разному, равно как и географические названия. Белорусские фамилии подчиняются аканью, а русские нет.

Белорус пишется — Астроўскі Аляксей,

а русский — Островский Алексей.

Этим самым подчеркивается национальность носителя. Или, к примеру, село Тереховка, если русское, то пишется Тереховка, если белорусское, то Церахоўка. А если река протекает через ряд республик, то и названия на карте надписываются по разному — «Днепра», «Дняпра» и т. д.

Кроме приведенных, имеется в правописании масса случаев, совершенно запутывающих и ставящих в тупик пишущего. Есть правила, доходящие до абсурда, хулигански искажающие язык, узаконивание, например, написания слов: «эфиоп», «ниоба», как «эфиёп», «ніёба».

* Друкуецца скарачана.

Вся эта вражеская работа в области правописания, неразбериха, путаница, смесь в правилах, определяют большую безграмотность окончивших школы.

Позволю привести ряд примеров, слов и оборотов, имеющих сейчас в белорусской литературе.

Слово «под'ём» заменено каким-то диким словом «уздым»;

Образование — адукацыя;

Краски — фарбы;

Борец — змагар;

Отечественный — айчынный (от польского ойчизна);

Правительство — урад???

Годовщина — гадавіна (белорусы говорят так в смысле гад — гадзюка);

Баня — лазня;

Беспредельный

Безграмотный

} — бязмежны (пример сознательного объединения языка);

Безбрежный

Безопасность — бяспечнасць (отсюда органы государственной безопасности, органы государственной беспечности);

Слово товарищ заменено словом — сябр;

Друг — тоже сябр;

Дружеский — сяброўскі;

Благожелатель — зычлівец;

Благозвучие — мілагучнасць;

Благоухание — пахучасць;

Бледный — бляды;

Кислород — тлен???

Ветчина — вяндрліна;

Взбелениться — раз'юшыцца;

Бережный

} — асцярожны;

Осторожный

Бессмертие — неўміручасць;

Встречает — сустракае;

Баснословный — казачны;

Заседание — пасяджанне;

Женщина, ухаживающая за овцами, — овчарка;

Крупный — буйны (отсюда крупный деятель — «буйны дзеяч»);

Содержательный — змястоўны;

Охват — ахоп;

Образцовый — узорны;

Почет — гонар.

В лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» слово «соединяйтесь» заменено словом «злучайцеся», а в народе «злучайцеся — злучка» все равно, что по русски «случайтесь — случка».

Лозунг «Да здравствует годовщина Октябрьской революции!» на белорусском языке «Няхай живе гадавіна Кастрычніцкай рэвалюцыі!» испохаблен от начала до конца. Белорусы говорят здравствуй, а «няхай» означает «пусть» в смысле пренебрежительно «так и быть».

Гадавіна означает гада большого размера. Так и говорят: «Ух якая гадавіна». Кастрычнік — октябрь. Но кастрица — это не лен, а отбросы от льна.

Засорение языка чуждым, антинародным так велико, что литературную речь в районах не понимают. И получилось так, что авторы засорения добились обратных результатов. Существующее в народе влечение к братской русской культуре и языку, чего они боялись пуще огня и что хотели искоренить, благодаря засорению белорусского языка, возросло в колоссальной степени. В городе и деревне русские книги берут нарасхват, а белорусские, к стати сказать, переполненные «творами» этих авторов, лежат на полках. Даже «Краткий курс истории ВКП(б)» на русском языке расхвывается в полтора-два месяца после появления в продаже, а изданный на белорусском языке в городах почти не идет, а в районах и селах идет крайне медленно.

Получилось так, что вся эта кучка нацдемовских заправил сохранилась до сих пор. Даже организовано, в Союзе писателей. Они печатали и печатают внешне патриотические стихи и произведения, насквозь фальшивые, но необходимые для выражения советскости (их буквальное выражение). Янка Купала говорит, что то, что он написал при Советской власти, не творчество, а дриндушки. Они говорят о том, что теперь литература сведена на роль придатка, разъясняющего или восхваляющего, что это не творчество, а иллюстрации. В литературе нельзя ничего

ставить или решать, так как партия все уже решила на много лет вперед, план составлен, иллюстрируй то, что прошло.

<...>

Что, по моему мнению, надо сделать?

а) Необходимо развернуть глубокую работу по поднятию идейно-политического уровня интеллигенции, по ее политическому воспитанию, как этого требует ЦК ВКП(б), положив в основу этой работы изучение марксизма-ленинизма, истории ВКП(б) по выпущенному учебнику «Краткий курс истории ВКП(б)».

Если учесть, что контрреволюционные националисты многим засорили головы, что партийные организации республики работы среди интеллигенции не вели, станет ясным, какое громадное значение эта работа имеет сейчас в Белоруссии;

б) Начать (пока мы начали это делать робко) большую работу по очистке белорусского языка от всех насажденных полонизмов, искусственно придуманных и издевательских слов и терминов. Начать очищение от всего наносного, антинародного. Начать работу по исправлению грамматики. Результатом этой работы должно явиться создание белорусского словаря и стройной, не запутанной, вполне научной, грамматики.

В этой работе необходимо опереться на лучшую часть Союза писателей, интеллигенции, и партийные силы, а в основу положить действительно-живую, правильную, не испорченную речь белорусского народа, искореня жаргонные слова и заменяя недостающие слова русскими или созвучными украинскими;

в) Увеличить количество русских школ, ликвидировав колоссальную перегруженность этих школ, и удовлетворить полностью желание населения обучать детей на русском языке, конечно, за счет новых школ, т. к. реорганизация некоторого числа белорусских школ в русские, хотя и является практически целесообразной, но политически недопустима;

г) Решительно очистить литературу от произведений с национал-фашистской контрабандой (кое-что мы в этом направлении сделали), поднять литературную преданную молодежь, осветить литературу, укрепить руководство Союза писателей.

В отношении Янки Купалы, Якуба Коласа, Бровко, Глебо, Крапивы, Бядули, Вольского, Аксельрода и др. членов этой «могучей кучки», узурпировавшей представительство от белорусской литературы всюду, в том числе и за рубежом, людей, творческая авторитетность которых непомерно раздута, проводивших лично всю описанную выше вражескую работу, имеются многочисленные показания разоблаченных и арестованных врагов, изобличающие их вплоть до связи с польской дивизией.

<...>

Положение в отношении к ним сложное. Они, главным образом, Янка Купала и Якуб Колас, пользуются известностью, прославили их достаточно сильно, их включают во всякие комиссии по учебникам, словарям, переводам, литературным юбилеям. Не допустить этого, значит, сразу определить свое отношение к ним, а его, по моему мнению, определить нужно не так. Их нужно или арестовать или, учитывая обстановку, принять, поговорить открыто, показать, что нам известны все их «ошибки», если это допустимо так назвать, сказать, что они могут искупить свою вину перед Советской властью, призвать их к честной работе, посмотреть, как они будут реагировать, и если в какой-либо мере пойдут на это, то использовать это в целях разложения группы, отрыва наиболее честного и ликвидации остатков нацдемовщины. При разговоре, конечно, не смягчать действительной оценки их роли, но делать это с соответствующим такому щепетильному разговору тактом.

Потом, надо будет созвать совещание белорусских писателей, на котором выступить с совершенно ясными установками для дальнейшей работы Союза писателей, с критикой ошибок, постановкой задач и т. д. А там уже дальше обстановка подскажет наиболее целесообразные шаги.

По двум вопросам:

а) о предлагаемых мероприятиях в отношении белорусского языка-грамматики и литературы;

б) об отношении к писателям Янке Купале и Якубу Коласу, — я прошу вас дать мне совет.

№ 978

21.XI.

г. Минск

Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии
(Пономаренко)

Звярніце ўвагу на апошнюю фразу: у аўтара ўсё ж хапіла розуму прасіць парады. Мы не ведаем, як адрэагаваў генеральны сакратар на першае пытан-

не, ён жа лічыў сябе вялікім мовазнаўцам. Што ж датычыць «отношения к Янке Купале и Якубу Коласу», то вядома, што яны былі не арыштаваны,

а ўзнагароджаны. Панамарэнка ў размоўе з адным з кіраўнікоў Саюза пісьменнікаў БССР М. Ц. Лыньковым выдаў гэта за сваю асабістую заслугу. Быццам бы на асабістым прыёме ён, Панамарэнка, расказаў Сталіну аб спробах наркама ўнутраных спраў Б. Д. Бермана зрабіць з Купалы і Коласа «новых ворагаў народа». (Дарэчы, калі Панамарэнка ўзначаліў ЦК КП(б)Б, Берман ужо працаваў у Маскве і не мог пакласці на стол першаму сакратару папкі са «справамі» на пісьменнікаў, як сцвярджае Панамарэнка.) І вось у часе той сустрэчы Сталін, маўляў, і даручыў аддзелу ўзнагарод разам з Панамарэнкам тут жа аформіць узнагароджанне ордэна-

мі. Так нібыта ордэры на арышт былі заменены ордэнамі². Група беларускіх пісьменнікаў сапраўды атрымала ўрадавыя ўзнагароды: Янка Купала і Якуб Колас — ордэны Леніна, Змітрок Бядуля, Міхась Лынькоў і Эдуард Самуйлёнак — ордэны Працоўнага Чырвонага Сцяга, Пятрусь Броўка і Пятро Глебка — ордэны «Знак пашаны». «За выдатныя поспехі і дасягненні ў развіцці савецкай мастацкай літаратуры», як гаварылася ў прэамбуле да Указа, апублікаванага ў беларускіх газетах 2 лютага 1939 г. Узнагароджваліся беларускія пісьменнікі не адны, а ў ліку 132 вядомых савецкіх літаратараў. Панамарэнка ж, як бачна з запіскі, выказваўся за

арышт і прасіў толькі дазволу на гэта.

Так што заслуга выратавання беларускіх пісьменнікаў належыць не першаму сакратару. Сталін, відаць, па-свойму разумеў «навадзенне парадку ў Беларусі», ён умеў мяняць бізун на пернік.

Запіска Панамарэнкі «О беларуском языке, литературе и

¹ Выкарыстаныя ў матэрыяле дакументы зберагаюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь. Фонд 4, вопіс 21, справа 1269.

² Сачанка Б. Сняцца сны аб Беларусі... — Мн., 1990. — С. 146.

Другая частка запіскі П. К. Панамарэнкі, дзе ён выказвае свае адносіны да Янкі Купалы, Якуба Коласа ды іншых

пісателях» з'яўляецца сёння фактам нашай мінулай гісторыі і шмат у чым горкай і трагічнай. Ва ўмовах жорстка-аўтарытарнага, адміністрацыйна-цэнтралісцкага рэжыму мова таксама аказалася рэпрэсаванай. Аб уроках мінулага патрэбна не толькі ведаць, а і рабіць усё, каб такое не паўтарылася.

беларускіх пісьменнікаў, будзе змешчана ў бліжэйшых нумарах «Беларускага гістарычнага часопіса».